

Т. С. Петрова

СОКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ведём наш сокровенный разговор...
М.Петровых
Русской душе хочется воды светлой...
К.Бальмонт

Бывают необъяснимые соответствия, обнаруживающие явную связь текстов, не имеющих друг с другом непосредственного соотношения. Например, такие, о которых пишет К.Бальмонт, рассуждая о смысле знаменитого стихотворения Ф.Тютчева «Когда пройдёт последний час природы...»: «Чтобы в мире полностью отразилось Божие лицо, мир должен быть разрушен, ибо он весь во временностях, неправосудностях и ограниченностях». «Железные строки Тютчева, – утверждает поэт, – <...> до странности близки к замечательной океанийской песне, которой он знать не мог.

И ты сломана будешь, Земля.
Не скорби. Да, и ты, даже ты.
Не скорби.
О любви ли ты будешь печалиться?
Огорчаться на то, что покрыла собою
Поверхность Воды?
Огорчаться на длительность Времени?»
[2, 234–235].

Одно из подобных необъяснимых соответствий обнаруживают стихотворения К.Бальмонта 1894 года и М.Петровых, написанное через 73 года. Сопоставим эти тексты.

К.Бальмонт
Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюблённая мечта,
Не гор тяжёлые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отреченья,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.
[1,с.15]

М.Петровых
Одна на свете благодать –
Отдать себя, забыть, отдать
И уничтожиться бесследно.
Один на свете путь победный –
Жить как бегущая вода:
Светла, беспечна, молода,
Она теснит волну волною
И пребывает без труда
Всё той же и всегда иною,
Животворящую всегда.
[4, с.193]

Сходство этих стихотворений обусловлено, прежде всего, аналогией первых строк: они построены однотипно и представляют собой тезис, предполагающий дальнейшее

развёртывание темы. В основе тезиса – утверждение истинности ключевого для осмысления жизни явления.

Кроме того, стихотворения созвучны в ритмомелодической основе (четырёхстопный ямб с пиррихиями); в каждом – по десять строк без строфического членения.

Характер рифмовки связан с композиционным строем. А в нём наблюдается как сходство, так и различие.

В стихотворении Бальмонта развёртывание тезиса определяет структурное и семантическое членение текста на две неравные части. Первая построена на параллелизме отрицательных конструкций с акцентирующей отрицание анафорой. В результате подчёркивается несостоятельность эстетического представления о красоте – с точки зрения традиционно эталонного культа («Не красота богов Эллады»), романтического восприятия («И не влюблённая мечта»), привычных проявлений красоты в природе, в том числе и экзотической («Не гор тяжёлые громады, / И не моря, не водопады»), - наконец, с позиции понимания одного из проявлений красоты: «Не взоров женских чистота».

Тройная рифма ещё теснее соотносит понятия: **красота – мечта – чистота**; анафорическое отрицание в начале строк подчёркивает их несопоставимость.

Теперь повтор утверждения «Одна есть в мире красота», открывая вторую часть стихотворения, акцентирует представление о красоте, единственно возможное для лирического героя и с его точки зрения – истинное. Эта часть стихотворения короче предыдущей; синтаксически она также представляет собой одно предложение, определяющая часть которого передаёт сущность истинной красоты как явления нравственного (подвига «Любви, печали, отречения», жертвенности – «добровольного мученья», искупления грехов мира ценой жизни). Воплощением такого понимания духовной красоты выступает Христос – Его имя закономерно завершает стихотворение и замыкает кольцевую композицию звуковым (рифменным) и семантическим соответствием ключевому слову красота в конце первой строки.

Таким образом, стихотворение Бальмонта представляет собой рассуждение об истинной красоте как о явлении духовного бытия, отражённом в этическом ракурсе и соотносённом с высшим идеалом – жертвенной жизнью Христа.

Десятистишие М.Петровых также открывается утверждением истинного и непреложного явления – но не красоты, а благодати: «Одна на свете благодать». Точно так же, как у Бальмонта, исходный тезис инициирует дальнейшее развёртывание текста, и всё стихотворение строится на основе образного представления благодати с позиции лирического «я».

Словарь русского языка [5, с.93] определяет четыре значения слова благодать:

1. Милость, благоволение, дар, исходящие от Бога, посланные им (устар.)
2. Благо, добро, благополучие (устар.)
3. Изобилие природных благ, обеспечивающих благоденствие, доставляющих радость, счастье.
4. в знач. сказ. Разг. О приволье, об условиях, доставляющих удовольствие, счастье.

В стихотворении М.Петровых рифмующаяся пара слов **благодать – отдать** акцентирует главный смысл ключевого слова – благое начало, добро, основанием которого выступает самоотречение и самопожертвование. Кольцевой повтор слова отдать в начале и конце второй строки усиливает выражение этого смысла. В этом аспекте «уничтожиться бесследно» значит преодолеть свою самость, отказаться от приоритетного сознания «я» в самом себе. Эта позиция напоминает евангельское изречение Христа: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её» (Мф, 16:25). Отрешиться от всего призывал Иисус учеников Своих (Лк, 15:33); «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк, 9:35).

Умереть для себя, чтобы жить для Господа и ближнего – это воплощение одной из главных заповедей Христа – заповеди любви, – «ибо и Сын Человеческий не для того

пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк, 10:44–45).

Четвёртая строка, содержащая в себе частичный акцентированный повтор («Одна на свете благодать» – «Один на свете путь победный»), завершая первую часть стихотворения, инициирует вторую, в которой содержится образное выражение истинно достойной жизни, единственно возможного и верного её проявления, – жизни, имеющей цель и смысл, а потому представленной как «путь победный».

Эта часть строится на развёрнутом сравнении жизненной позиции, образа жизни – и «бегущей воды». Сравнение формирует олицетворённый образ (и это тоже связано с семантикой жизни: «Светла, беспечна, молода») и делает доминирующими такие характеристики, как движение, изменчивость, активность – необходимейшие свойства самой жизни. Вот почему в последней строке вода названа животворящею – она воплощает в себе жизнь, причём не только в земных её проявлениях, но и жизнь вечную. Образ животворящей воды находим в Евангелии от Иоанна, где приведены слова Христа: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин, 7:38); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин, 7:37).

Таким образом, концептуальный смысл стихотворения М.Петровых строится на оппозиции уничтожиться – жить, между членами которой предполагается знак равенства («уничтожиться бесследно» = жить как животворящая вода), то есть антиномия преодолевается в образной логике стихотворения. Основания этого соответствия обнаруживаем снова в Евангелии: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин, 12:24); «Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную» (Ин, 12:25).

Итак, подобия, обнаруженные в стихотворениях К.Бальмонта и М.Петровых, позволяют усматривать за ритмомелодическими, структурными, синтаксическими и лексическими пересечениями смысловые, образные, композиционные и концептуальные соответствия.

К.Бальмонт через отрицание преходящего и суетного приходит к утверждению высшего нравственного и онтологического идеала – жертвы Христа как основания жизни вечной.

М.Петровых в своём поэтическом рассуждении выражает отклик живой человеческой души на завещанное Христом. Вся логика её лирического размышления о земной человеческой жизни определяется христианскими заповедями, идеями и образами; их отражение в стихотворении Петровых соотносено с бальмонтовским текстом: любви и отречению Христа соответствует стремление человека «отдать себя, забыть, отдать» и избрать путь вечно животворящей воды. Этот выбор можно интерпретировать как путь безоглядного служения ближнему, нерассуждающей любви. В то же время олицетворённый образ бегущей воды отражает и духовное движение человека, просветлённость его живой души. Эта мажорная светлая тональность убедительно венчает «сокровенный разговор» двух поэтов, неожиданно стройно развёртывающий один из важнейших мотивов – мотив духовного становления и возрастания – и одну из ключевых тем – истинной красоты в жизни человека и мира.

Примечания

1. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 т. Т.1. М., 1994.
2. Бальмонт К.Д. О русской литературе. Воспоминания и раздумья. 1892–1936. М., 2007.
3. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа на славянском и русском языках. М., 2003.
4. Петровых М.С. Костёр в ночи: Стихи и переводы. Ярославль, 1991.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т.1. –М., 1981.